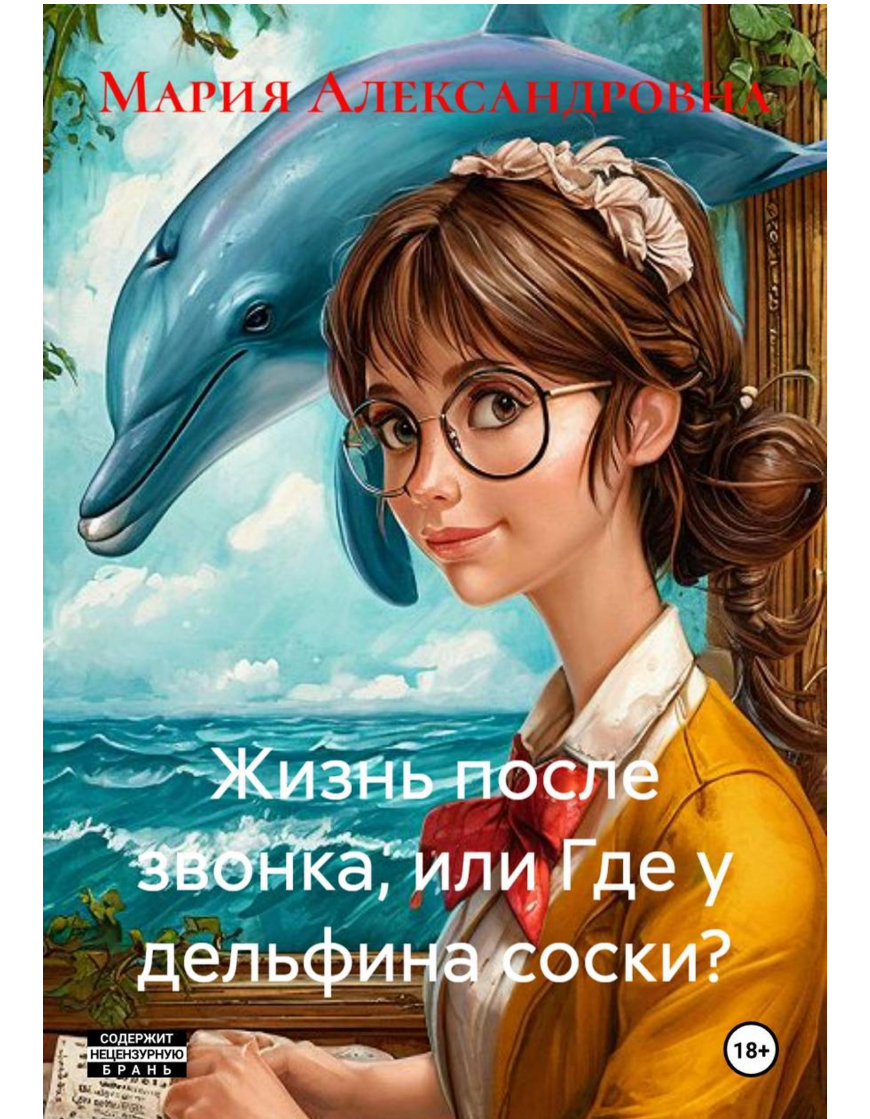

The illustration depicts a young woman with brown hair, bangs, and round glasses, wearing a yellow jacket over a white shirt with a red bow. She is looking towards the viewer with a slight smile. Behind her, a large blue dolphin is shown in profile, looking towards the left. The background features a blue sky with white clouds and a blue sea with white waves. The entire scene is framed by a wooden border with green foliage on the left and right sides.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Жизнь после
звонка, или Где у
дельфина соски?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Александровна

Жизнь после звонка, или

Где у дельфина соски?

<https://litres.ru/74147692>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Жизнь после звонка, или Где у дельфина соски?» Хроники учителя, который объявил войну системе и пошел напролом в большой бизнес. Можно ли в один день перечеркнуть 14 лет стажа, разбить «учительский панцирь» и уйти в неизвестность, имея ипотеку и двоих детей? Мария Александровна, учитель биологии из Томска, доказала: можно, если система превратила тебя в робота. Эта книга — честный, пронзительный и уморительно смешной автофикшн, написанный в реальном времени. История о тайной двойной жизни: днем — уроки и отчеты по ВПР, вечером — секретный наушник под волосами, магистратура ТГУ по документоведению и пачка пельменей на стол голодным детям ради шанса на свободу. Здесь есть всё: от изнанки школьного ада до убойного стендапа в классах. Вы узнаете, как на открытом уроке заставить пунцовать от стыда всю администрацию и почему законы биологии бессильны перед вопросом семиклассника: «А где у дельфина соски?». Но главное — это хроники дерзкого побега. Пора узнать, какая она — жизнь после звонка.

Содержание

Введение. Точка удушья, или Как я решила проснуться.	4
Глава 1. Бунтарка из старейшего университета Сибири	8
Гл	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мария Александровна

Жизнь после звонка, или

Где у дельфина соски?

Введение. Точка удушья, или

Как я решила проснуться.

Говорят, что любые настоящие перемены в жизни никогда не происходят по щелчку пальцев. Нас учат, что это красивый, глубокий и последовательный процесс. Полноценная эволюция, которую можно разложить на пять идеальных, правильных шагов.

Сначала рождается тихая мечта, и внутри тебя загорается особый блеск (Шаг первый). Затем расправляются плечи, и ты делаешь уверенный шаг на новую территорию (Шаг второй). Потом приходит тотальное доверие миру, легкое и хрупкое, как бабочка, присевшая на палец (Шаг третий). За ним следует увлеченный, созидательный труд, похожий на работу пчелы на ярком июльском люпине (Шаг четвертый). И, наконец, наступает заслуженный, триумфальный расцвет — момент, когда твой внутренний потенциал раскрывается на максимум, словно пышный пион на фоне чистого синего

неба (Шаг пятый).

Это очень красивая теория. Но в реальности моя личная эволюция началась совсем не так. Она началась с удущья. С ощущения, что железный обруч на моих ребрах затянулся настолько туго, что в легких больше не осталось кислорода.

Четырнадцать лет я провела внутри школьной системы. Четырнадцать лет я была учителем биологии. Профессия, которая должна была учить созиданию и исследованию жизни, на самом деле научила меня двум вещам: чувствовать и молчать. Главная суперсила учителя — это не умение объяснять сложные законы генетики. Наша суперсила в том, что мы умеем мастерски скрывать свои эмоции. И так же мастерски надевать маску абсолютной, ледяной нейтральности.

В школе я была роботом. Я подавляла в себе абсолютно всё, чтобы выжить под прессингом бесконечных ВПР, отчетов ради отчетов, проверок и планов. Я добровольно согласилась на этот панцирь. Годами я сидела на двух стульях, туго завязав себе глаза повязкой из чужих ожиданий, страха неизвестности и ложной стабильности. «У тебя же дети», «а куда ты пойдешь», «ты больше ничего не умеешь» — шептал мне разум. И я послушно молчала, пока внутри меня медленно, по капле, умирало всё живое. Моё сердце было буквально пронзено мечами этой системы, но я продолжала улыбаться ученикам и сдавать вовремя отчеты.

Пока в один душный июньский день моё подсознание не взбунтовалось. Мне долго снился один и тот же вязкий кош-

мар. В нём миллионы назойливых мошек жужжали в унисон с монотонным голосом директора, требующим переписать аналитическую справку, а гора мертвой бумаги на моем столе росла до самого потолка, хороня меня под собой. В то утро я проснулась в холодном поту, жадно хватая ртом воздух, и поняла: с меня хватит. Я больше не вернусь в этот кабинет. Я больше не буду бесплатным ландшафтным дизайнером, копающим клумбы под нашествием мошкар в жару, и не позволю вытирать ноги о свой педагогический стаж.

Эта книга — не вылизанная история успеха из учебников по маркетингу. Это хроника моей личной революции, написанная в реальном времени. Здесь будет всё: томительное ожидание трудовой книжки, тайные ночные лекции в магистратуре ТГУ по документоведению, пока мои собственные дети варили себе на ужин пельмени, страх чистого листа и первые жесткие отказы от циничных HR-менеджеров крупных корпораций, для которых строчка «учитель» в резюме — это приговор.

Я уволилась из школы и закрыла эту дверь навсегда. Я стою на перепутье, моя старая звезда погасла, а новая еще не зажглась. Мне страшно до дрожи в коленях, но этот страх — ничто по сравнению с той болью, которую я испытывала, оставаясь в клетке.

Я перевела свой 14-летний опыт на жесткий язык бизнеса, взяла под мышку новый блокнот, распечатала проект и пошла напролом. Сериал «Жизнь после звонка» официаль-

но объявляется открытым. И если вы прямо сейчас сидите на своем рабочем месте и чувствуете, что вам нечем дышать — эта книга пишется для вас.

Давайте снимем повязки с глаз и попробуем проснуться вместе.

Глава 1. Бунтарка из старейшего университета Сибири

Любой биолог знает: чтобы поймать дикое животное, не нужна грубая сила. Нужна правильная приманка и иллюзия безопасности. В этой главе я опишу свой первый, неосознанный эксперимент по одомашниванию собственного бунтарского духа. Мы разберем анатомию моего падения в «стабильность»: от побега из педагогического вуза в вековую свободу ТГУ до суровых проходных завода «Полюс» и, наконец, до тяжелых школьных дверей, за которыми меня ждали первые отчеты, крики подростков и наркотический дофамин от детского «Я понял!».

Ловушка для бунтарки

Все началось четырнадцать лет назад. Хотя, если быть абсолютно честной, корни этой истории уходят гораздо глубже — в те времена, когда я, вчерашняя школьница, впервые переступила порог Томского государственного педагогического университета.

Я поступила на биолого-химический факультет, окрыленная романтикой науки о живом. Но уже во втором семестре меня прошиб холодный пот. Сидя на лекциях по педагогике, я отчетливо поняла: я никогда, ни за что в жизни не буду учителем.

Эта среда казалась мне слишком тесной, предсказуемой и до зубов вооруженной правилами. А я? Я была бунтаркой по крови. Мне претила сама мысль о том, чтобы всю жизнь ходить по струнке и соответствовать чьим-то чужим идеалам. Преподаватели в ТГПУ делились на два четких лагеря. Первые — невероятно элегантные, манерные женщины, от которых веяло какой-то недостижимой «голубой кровью» и старыми гимназическими традициями. Вторые — простые, тихие, скромные фанатики своего дела, которые могли часами с горящими глазами рассказывать о строении инфузории-туфельки, но терялись при любом проявлении живой, несистемной энергии. Я не видела себя ни среди первых, ни среди вторых. Кабинетная правильность душила мой внутренний огонь.

Выдержав ровно один курс, я приняла первое в своей жизни радикальное решение — забрала документы из пед. и ушла в Томский государственный университет.

В ТГУ я влюбилась с первого взгляда. Эти монументальные стены старейшего университета Сибири, этот вековой дух свободы, размах и масштаб! Здесь пахло не школьными методичками, а настоящей большой наукой, мировыми открытиями и весомым академическим статусом. Профессора ТГУ казались мне небожителями, а Университетская роща — местом, где рождается будущее.

Окончив ТГУ, я мечтала остаться в науке, писать диссертацию и двигать биологию вперед. Но суровая реальность

быстро приземлила мои амбиции. Наука требовала времени, а мне здесь и сейчас нужны были деньги — банально, чтобы жить, платить по счетам и строить фундамент под ногами. И я ушла на завод...

Работа монтажником РЭА на «Полюсе» быстро научила меня жесткой дисциплине, системности и технической точности. Это был суровый, мужской мир чертежей, микросхем и паяльников. Но вскоре на заводе начались трудные времена: задержки, неопределенность, сокращения. Перспективы таяли на глазах.

И именно в этот момент уязвимости раздался тот самый звонок, перевернувший мою жизнь. Мне позвонила подруга из педа. Когда-то мы вместе зажигали вожатыми в детском летнем лагере, и этот лагерный вайб вечного праздника, творчества и детского смеха всё еще ассоциировался у меня с чем-то легким и классным.

— Маш, ты не хочешь уйти с завода? — спросила она. — Школа ищет сильного биолога. Профессия чистая, статусная, уважаемая. Я сама уже давно в этой сфере, здесь всё стабильно.

Я заглянула в свой кошелек, вспомнила унылые заводские проходные в период кризиса и сравнила цифры. Школа предлагала заработок даже чуть выше моей заводской зарплаты. К тому же, внутри меня проснулся азарт. Лагерное прошлое шептало, что я легко справлюсь с детьми, а диплом ТГУ давал мне железобетонную уверенность в своих знаниях пред-

мета.

«Почему бы и нет? Я просто попробую. Это же стабильность», — подумала я. Бунтарка внутри меня на секунду заснула, убаюканная обещаниями сытой и понятной жизни. Я рискнула. Я сделала этот шаг, совершенно не подозревая, что открываю дверь в клетку, которая захлопнется за моей спиной на долгие четырнадцать лет. Ловушка захлопнулась с тихим школьным звонком.

Золотая клетка

Было начало декабря. Томск уже засыпало плотным, колючим снегом, а я шла на собеседование в свою первую школу, сжимая в кармане мелочь, оставшуюся с билета на трамвай, и борясь с лавиной внутренних сомнений. Наверное, это было самое неуверенное шествие в моей жизни. В голове набатом стучали вопросы. Надо ли мне это вообще? Зачем я ухожу с понятного, хоть и переживающего кризис завода? Что меня там ждет? И, главное — как я, бунтарка по крови, справлюсь с целым классом живых, шумящих детей? Я ведь была чистым теоретиком.

Классическое университетское образование в ТГУ дало мне мощнейшую фундаментальную базу, но методику преподавания нам читали словно вскользь — сухими выжимками про составление технологических карт уроков и календарно-тематическое планирование. Я умела расщеплять ДНК в уме, но понятия не имела, как удержать внимание тридцати семиклассников, у которых в головах бушуют гор-

МОНЫ.

Я открыла тяжелую школьную дверь, чувствуя себя абсолютно беззащитной. Но уже через десять минут все мои страхи растаяли. Точнее, их профессионально помножили на ноль. Передо мной в кабинете сидела директор. Статусная, невероятно красивая, ухоженная женщина, от которой веяло безупречным стилем и силой. Её внутренний стержень и сумасшедшая харизма заполняли весь кабинет. У неё был мощный, глубокий, идеально поставленный голос, великолепная дикция и совершенно очаровательная, располагающая к себе улыбка. Она не просто проводила собеседование — она гипнотизировала. Она не стала запугивать меня трудностями. Напротив, эта женщина разглядела во мне потенциал, окутала меня мощнейшей поддержкой и сразу нарисовала передо мной головокружительную перспективу развития. Она говорила со мной как с ценным, редким специалистом, ученым из ТГУ, который нужен этой школе как глоток свежего воздуха. Она верила в меня так сильно, что я сама в себя поверила.

И я сдалась. Очарованная этим масштабом личности, я шагнула вглубь школьных коридоров. Бунтарка внутри меня окончательно затихла, решив, что под крылом такого сильного лидера можно построить красивую и благородную карьеру. Я не знала, что лидеры меняются, а система остается прежней. И что этот красивый, многообещающий старт — лишь первый шаг в золотую клетку.

Декабрьский марафон, или Как убаюкать бунтаря

О моих первых коллегах я не буду расписывать длинных мемуаров, скажу лишь в двух словах: работать с ними было одно удовольствие. Это были потрясающие, чуткие люди, которые сразу окружили меня теплом. Благодаря им я вошла в коллектив молниеносно, за считанные дни почувствовав себя своей. Но если с учителями случилась полная идиллия, то с детьми начался настоящий, неприкрытый кошмар. Одно дело — играть с ребятами в вожатых в летнем лагере, где нет рамок, а вокруг солнце и речка. И совсем другое — войти в душный класс в качестве строгого авторитета. Мой внутренний бунтарь, который так отчаянно бежал от «правильных» педагогов в ТГПУ, внезапно сам оказался по другую сторону баррикад. Дети прощупывали мои границы ежеминутно. Они шумели, срывали задачи, проверяли меня на прочность, а я — чистый теоретик из ТГУ — судорожно пыталась вспомнить хотя бы один алгоритм удержания дисциплины. Мой идеальный мир науки трещал по швам под напором тридцати неуправляемых подростков. Вдобавок ко всему, на календаре стоял декабрь. Конец четверти. Именно тогда, в те безумные три недели, я впервые по-настоящему узнала, что такое школьная система. Мой лексикон в секунду пополнился тремя страшными словами, которые отныне будут преследовать меня годами: «Срочно!», «Отчеты!», «Оценки!».

Внезапно выяснилось, что мало просто выдать уроки.

Нужно было экстренно закрывать четвертные ведомости, вытягивать двоечников, строчить аналитические справки и бесконечно что-то заполнять, сдавая документы завучам еще «вчера». Слово «срочно» звенело в воздухе непрерывно, превращая каждый день в хаотичную гонку на выживание. Я засыпала с ручкой в руке, чувствуя, как школьный панцирь начинает медленно, но верно сковывать мои движения.

Но в этой же безумной декабрьской суете я впервые узнала и другую сторону школы — её первый, по-настоящему чистый и волшебный праздник. Новый год. Когда коридоры украсили бумажными снежинками и мишурой, а в воздухе отчетливо запахло мандаринами и хвоей, вся эта давящая система вдруг на мгновение преобразилась. Измученные отчетами коллеги искренне улыбались, наряжая елку в фойе, а дети, которые еще вчера доводили меня до мигрени, вдруг превратились в обычных, ждущих чуда девчонок и мальчишек. Они дарили мне корявые, но такие трогательные открытки, сделанные своими руками, и конфеты. В этот первый Новый год в стенах школы, уставшая, с гудящей от отчетов головой, но согретая детским смехом и праздничным теплом коллег, я подумала: «А ведь здесь здорово. Я справлюсь».

Системе удалось меня убаюкать. Наступал январь, и я уверенно шагала вглубь своей четырнадцатилетней иллюзии.

Дофаминовая игла: пять причин, почему я осталась

Что же тогда, в январе 2011 года, меня так сильно зацепи-

лю? Почему я не забрала документы после первой же сумасшедшей рабочей четверти, когда меня буквально переехало катком из отчетов и детских криков? Ведь мой внутренний бунтарь имел все основания включить заднюю передачу и сбежать обратно в понятный мир чертежей или академической науки ТГУ. Но я осталась. И дело было в нескольких очень сильных, почти наркотических вещах, на которые ловится каждый молодой педагог.

Во-первых, это мгновенная, осязаемая отдача. На заводе ты — винтик в огромном механизме. Ты паяешь схему, и результат твоей работы скрыт внутри безликого прибора. В школе всё иначе. Здесь ты у доски — как артист на сцене. Ты рассказываешь седьмому классу про удивительный мир клетки, и вдруг видишь, как в тридцати парах глаз загорается искренний интерес. Этот момент, когда ребенок, который еще вчера ничего не понимал, вдруг щелкает логическую задачу по генетике и с восторгом кричит: «Я понял! Мария Александровна, я сам додумался!» — дает колоссальный выброс дофамина. Ты чувствуешь себя демиургом. Ты видишь, как твои знания прямо сейчас меняют сознание другого человека. Это затягивает сильнее любых денег.

Во-вторых, это ощущение собственной важности и нужности. Система образования мастерски играет на нашем эго и потребности в признании. Вчера ты была просто выпускницей университета, одной из тысяч соискателей на рынке труда. А сегодня к тебе в коридоре бегут дети, чтобы просто

поздороваться, поделиться секретом или подарить ту самую конфету. Тебя называют по имени-отчеству, твое мнение авторитетно для родителей, которые старше тебя на десяток лет. Это ощущение, что от тебя зависит чье-то будущее, создает мощнейшую иллюзию значимости. Ты думаешь: «Да, отчёты — это ад. Да, руководство давит. Но ведь я делаю Великое Дело. Я создаю людей».

В-третьих, это профессиональный азарт бунтарки. Дети бросили мне вызов своей неуправляемостью. И вместо того чтобы отступить, во мне проснулся спортивный интерес биолога-исследователя. Я начала воспринимать класс как сложную живую систему, к которой нужно подобрать правильный код. Я начала экспериментировать с подачей материала, искать лазейки к их вниманию, ломать стандарты скучных уроков. Каждая маленькая победа над дисциплиной казалась мне триумфом. Школа дала мне то, чего не мог дать суровый завод в период кризиса — бурлящую, концентрированную жизнь, где каждый день не похож на предыдущий. Да, эта жизнь была щедро приправлена стрессом, но на контрасте с праздничным Новым годом и искренним теплом коллег она казалась мне настоящей.

В-четвертых, это была ловушка предсказуемой стабильности. После штормов и сокращений на заводе школа казалась мне тихой, защищенной гаванью, где правила игры были понятны наперед. Система образования предлагала то, чего так жаждет любой человек в период неопределенно-

сти: гарантированный оклад два раза в месяц, оплачиваемые больничные, официальное оформление и тот самый железобетонный соцпакет. Каждый твой шаг был задокументирован, каждый год развивался по одному и тому же сценарию. Разум шептал: «Да, здесь тяжело, но зато надежно. Школы не закрываются, детские сады не банкротятся. Ты защищена». Эта иллюзия безопасности убаюкивала мой врожденный бунтарский дух, заставляя соглашаться на компромиссы с самой собой ради спокойствия за завтрашний день.

В-пятых, это был мощный социальный статус и одобрение окружения. Профессия учителя в нашем обществе до сих пор окружена ореолом особого, почти священного благородства. Когда ты говоришь знакомым: «Я работаю на заводе», в ответ видишь лишь вежливый кивок. Но когда ты произносишь: «Я учитель биологии в школе», отношение мгновенно меняется. В глазах людей появляется уважение, смешанное с легким благоговением. Твои родители гордятся тобой перед соседями, администрация выписывает грамоты, а общество одобряет твой выбор. Эта внешняя социальная похвала работала как сильный психологический якорь. Быть «хорошей, правильной Марии Александровной» оказалось чертовски приятно для эго. Система мастерски подменяла мои личные амбиции общественным признанием, создавая ощущение, что я нахожусь на своем месте, пока внутренний бунтарь медленно задыхался в тисках чужого одобрения.

Система поймала меня на мою же собственную эмпатию

и тщеславие. Я поверила, что смогу переиграть эти правила игры и остаться свободной внутри школы. Я не понимала, что эта дофаминовая игла — самая прочная деталь в фундаменте моей будущей четырнадцатилетней клетки.

Учительская синусоида: от выжженной пустыни до Енисея

И вот наступили они — заветные весенние каникулы. Самая длинная, тяжелая и сумасшедшая третья четверть наконец-то подошла к концу. Я была выжата до предела, опустошена физически и эмоционально. Четвертные оценки со скрипом выставлены, горы отчетов сданы завучам, но внутри зияла выжженная пустыня.

Обыватели наивно думают, что каникулы для учителя — это законный курорт. Картинка в их головах до неприличия благодатная: опустевшая школа, тишина и счастливый педагог, бездельничающий в пустом кабинете. Мало кто из людей знает, что в эти дни внутри системы начинается самый настоящий, скрытый от чужих глаз ад. Педагоги работают еще интенсивнее, но теперь — без живой отдачи от детей, один на один с удушающей бюрократией. Бесконечные, многочасовые педсоветы, где монотонные голоса зачитывают сухие цифры, бессмысленное заполнение гор бумаг, методические семинары, призванные обучить нас «инновациям», и — как апофеоз абсурда — генеральные уборки кабинетов, где ты с тряпкой в руках оттираешь парты. Система не отпускает тебя, даже когда дети расходятся по домам. Она словно закру-

чивает гайки еще сильнее, требуя отчетов за каждый твой вдох. В тот год к концу третьей четверти я подошла в состоянии полнейшего ментального дефолта. Внутри меня не просто зияла выжженная пустыня — там выгорело всё до самого основания. Это было гнетущее, парализующее отчаяние. Я физически ощущала, как школьный панцирь робота сдавливает мне грудную клетку, не давая дышать. Утренний подъем превратился в пытку, а каждый школьный звонок отзывался физической болью в висках. Я ловила себя на мысли, что больше не могу выдавливать из себя дежурную вежливую улыбку. Энергия, азарт, любовь к биологии — всё растворилось в бесконечных ведомостях. Навалилась страшная, свинцовая усталость, которую невозможно было исцелить обычным сном.

Я, как молодой специалист, только начинающий свою деятельность, остро, на грани физического и психического выживания, нуждалась в настоящем отдыхе. Еще неделя в таком режиме — и я бы просто сломалась, оставив на куче отчетов остатки своего рассудка. Это было уже не просто желание отдохнуть, это был дикий, первобытный инстинкт самосохранения. Мне нужно было бежать из этих стен. Срочно. Исчезнуть. Уехать далеко-далеко, максимально далеко от школы, чтобы не видеть этих серых коридоров, не сдавать бесконечные «справки за четверть» и, самое главное, не слышать звонков и детских голосов. Мне жизненно необходима была ментальная реанимация, полная изоляция от профес-

сии, иначе возвращаться в апреле было бы просто некому.

Я решила поехать к своим друзьям в Красноярск — всего на три дня. Когда я подошла к директору с просьбой отпустить меня, мне даже не пришлось подбирать аргументы. Эта мудрая, харизматичная женщина просто посмотрела в мои потухшие, уставшие глаза и всё поняла без слов. Она увидела, что поездка необходима мне как глоток свежего воздуха, иначе молодой биолог просто сломается. Она отпустила меня из клетки.

Билет на поезд Томск — Красноярск я купила в тот же день. В четверг, едва прозвенел последний звонок с моего урока, я схватила заранее собранные вещи, пулей вылетела из школы и помчалась на вокзал. Стук колес поезда уносил меня прочь от дедлайнов. Моя первая масштабная перегрузка началась. Эти три дня в Красноярске казались мне порталом в другую вселенную. Мы часами гуляли с друзьями по красивой набережной Енисея, вдыхая прохладный весенний воздух, ходили в кино, смеялись, до полуночи играли в боулинг. Это был чистый, концентрированный кайф! Мой уикенд удался на все сто процентов. Домой я возвращалась спасенной. Моя измученная нервная система наконец-то расслабилась и задышала.

Именно тогда я впервые осознала, на каких жестких, экстремальных качелях живут учителя. Твой график — это непрерывный синусоид: адский, парализующий стресс, а затем — судорожная, экстренная попытка восстановить пси-

хику за пару дней, чтобы просто не сойти с ума. В обществе часто с легкой завистью спрашивают: «А почему это у учителей такой длинный отпуск — целых 56 календарных дней?». Обывателям кажется это огромной привилегией. Но теперь, пройдя через этот марафон, я знаю точный ответ.

Нам дают 56 дней отпуска не для того, чтобы мы отдохнули. Нам дают их с одной единственной целью — чтобы государство успело заново собрать по кусочкам разрушенную за год нервную систему учителя и вернуть его в класс относительно вменяемым. Это не награда. Это время на ментальную реанимацию.

Высший вид дипломатического искусства

И вот он — мой первый в жизни отпуск длиной в пятьдесят шесть дней. Почти два месяца абсолютного, легально-го безделья! Это лето было чистым кайфом. Солнце, речка, пляжи, долгие теплые вечера и полное отсутствие школьных звонков. Тогда же зародилась наша семейная традиция: забегая вперед, скажу, что каждый год мы обязательно отправлялись в путешествие по Сибири. Мы объездили её вдоль и поперек: Красноярск, Шарыпово, соленые озера Шира, невероятная, мистическая Хакасия. В это воистину золотое время с нами были наши друзья. Мы любили уезжать в отпуск на машине, часами мчаться по пустым трассам и наслаждаться сменяющимися друг друга пейзажами: бескрайними, выжженными солнцем хакасскими степями, суровыми вершинами Саянских гор, зеркальной гладью озер и стремительными хо-

лодными реками.

Эти поездки дикарями, с палатками или в уютные деревянные домики, были моей личной подзарядкой, возможностью смыть с себя школьную пыль и надышаться свободой. Самыми волшебными были вечера, когда солнце медленно тонуло в озере, а мы собирались у костра. Под треск прогорающих сосновых веток и искры, улетающие в огромное звездное небо Сибири, мы заваривали крепкий чай с собранным днем чабрецом, пели под гитару и без удержу хохотали. Друзья, зная мою преподавательскую натуру, то и дело принимались подшучивать: «Мария Александровна, а если мы сейчас не доедим этот шашлык, вы нам тоже двойку в журнал вклеите?» или «Смотрите, костер разгорается по всем законам физики, только биологам не рассказывайте!». Я отмахивалась, смеялась вместе со всеми и впервые за долгие месяцы чувствовала себя просто счастливым человеком, а не функцией внутри системы. Мы строили безумные планы на будущее, засиживались до рассвета, укутавшись в теплые пледы, и казалось, что это лето — вечное.

Кстати, о сибирских озерах и вечном педагогическом законе парных случаев. «Закон парных случаев» (или закон дублей) — это неофициальный, но безотказно работающий закон, который знает каждый практикующий врач, следователь и, конечно же, школьный учитель. В биологии и медицине это явление часто называют «синхроничностью». Суть его проста: если в твоей практике происходит какое-то ред-

кое, из ряда вон выходящее или крайне специфическое событие, то с вероятностью в 99% в самое ближайшее время оно повторится в точности до мельчайших деталей. В педагогике этот закон работает с особой, мистической регулярностью:

Если один ребенок в классе умудряется застрять головой в перилах лестницы, то в течение недели обязательно найдется второй «исследователь», который повторит этот трюк в другом корпусе.

Если на уроке взорвалась оставленная в рюкзаке бутылка газировки, жди второго фонтана в параллельном классе на следующий же день.

Если ты уволилась из школы, выдохнула и стерла из памяти имена всех завучей, система обязательно напомним о себе дважды там, где ты меньше всего этого ожидаешь.

Это своего рода юмор Вселенной, которая любит удваивать ставки. И вот, когда я думала, что полностью отключилась от школьной реальности, этот самый закон парных случаев настиг меня посреди сибирской тайги.

Прошлым летом одна из таких поездок с палатками преподнесла мне удивительный сюрприз. Дочка моей подруги решила взять с собой компанию и позвала приятельницу. Какое же было мое изумление, когда в этой одиннадцатилетней девчушке я узнала свою бывшую ученицу! Я вела у нее уроки, когда она была совсем крохой — в первом и втором классе, а теперь, когда мы встретились на берегу, она уже пе-

решила в пятый. Прошло много лет с тех пор, как я уволилась из той школы, и надо же было столкнуться посреди дикой природы.

Ну не отменять же поездку на озеро из-за того, что мы когда-то были в системе «учитель — ученик»? Здесь, среди палаток, все рамки стерлись: я больше не была ее строгим ментором, а она — подопечной с парты. Правда, сначала девчонка жутко стеснялась моего общества. Как мне потом объяснили, она просто очень сильно любила меня как учителя и робела перед «живым кумиром» на отдыхе. Но сибирское солнце и походная атмосфера быстро растопили лед. Уже к вечеру она всю болтала, наперебой рассказывала школьные истории своего класса, и мы вместе хохотали до слез. В итоге девчонка практически не отходила от меня: мы резались в детские настолки, жарили маршмеллоу и секретничали. А на следующий день выяснилось, что она совершенно не умеет плавать и панически боится глубины. Но бывших учителей, как известно, не бывает. Внутри меня мгновенно проснулся тот самый «пИдагог» — с вечным азартом, верой в ребенка и умением разложить любой сложный процесс на простые шаги. Разве я могла оставить человека в беде? Я взялась научить её держаться на воде. Без криков, без занудства, через игру и полное доверие. Знаете — у меня получилось! К концу поездки она уже свободно и без страха держалась на поверхности озера. В её глазах, помимо прежнего детского обожания, появилось такое взрослое, абсолют-

ное доверие, которое невозможно купить ни за какие сокровища мира. Мы уезжали настоящими друзьями. И в тот момент, глядя на её счастливую улыбку, я снова подумала: система может вымотать тебя отчетами, но этот чистый дофамин от того, что ты помог человеку преодолеть свой страх и крикнуть "Я могу!", — останется со мной навсегда.

Казалось, жизнь прекрасна. Но лето пролетело как один день, и синусоида моих учительских качелей снова резко ухнула вниз.

Первое сентября 2011 года. В этот раз система приготовила для меня проверку на прочность повышенной сложности. Сразу же, с первого дня моего второго учебного года, мне дали моё первое классное руководство. Вот тогда-то карусель закрутилась с бешеной скоростью, превращая будни в бесконечный, заикленный день сурка: уроки, отчеты, короткие каникулы-передышка, вторая четверть, уроки, отчеты, каникулы, третья, четвертая... Но теперь к этой бумажной рутине добавился огромный, бурлящий пласт человеческих судеб. Тридцать абсолютно разных детей и шестьдесят еще более разных родителей. Именно тогда я осознала, что классное руководство — это не просто приписка к диплому, а круглосуточная вахта в режиме «МЧС предупреждает». Ты превращаешься в многозадачный хаб, через который безостановочно циркулирует хаотичный поток информации. Твоя задача — отслеживать успеваемость и психологическое состояние тридцати человек, оперативно сообщать родите-

лям о школьных проблемах, вовремя доносить бесконечно меняющееся расписание уроков (которое завуч имеет обыкновение перекраивать в одиннадцать вечера), а еще — вовлекать класс в бесчисленные конкурсы, субботники, экологические акции и олимпиады, от которых у детей уже дергаются глаза.

В промежутках между уроками моя жизнь превратилась в сплошной поток коммуникаций: бесконечные звонки от мам и пап, ночные сообщения в мессенджерах, сложные родительские собрания и затяжные педсоветы, где от тебя требовали отвечать за каждый шаг твоих подопечных. Но отдельный круг школьного ада — это игра в «Где ты, мой беглый подопечный?».

Каждое утро классного руководителя начинается не с кофе, а со сверки личного состава. Особенно если речь идет о первых уроках. Звенит звонок, учитель-предметник открывает дверь класса, а там — звенящая пустота и сиротливые единицы самых стойких. Полкласса просто растворилось в утреннем томском тумане. И ты, вместо того чтобы спокойно пить чай на перемене или повторять конспект урока, судорожно открываешь мессенджер и начинаешь веерную рассылку родителям.

Кстати, о родителях. Это был отдельный, ежедневный экзамен на стрессоустойчивость и дзен. Родительский чат в мессенджере — это место, где законы логики и тайм-менеджмента перестают работать. Ты можешь составить по-

дробнейшую, выверенную до запятой инструкцию, закрепить её в самом верху чата, продублировать трижды капслоком и жирным шрифтом. И в ту же секунду, когда ты нажимаешь кнопку «отправить», обязательно найдутся три-четыре человека, которые вообще ничего не читали, а просто пишут следом: «Мария Александровна, а подскажите, пожалуйста, во сколько завтра сбор и что с собой брать?».

В бизнесе это называется «работой со сложной целевой аудиторией и выгоранием на первой линии поддержки». В школе это называлось «глубокий вдох, выдох, милая улыбка и копировать-вставить текст в тридцатый раз». Но если с родителями спасал дзен, то сами дети регулярно устраивали мне такие управленческие краш-тесты, от которых у любого топ-менеджера поседели бы виски. В ответ на вопрос «почему вы опоздали?» летели настоящие шедевры.

Возглавлял этот хит-парад, конечно, честный и незамутненный лозунг: «Я проспал(а)!». В моем классе была отдельная каста «спящих красавцев» — несколько детей, чей организм в принципе отказывался переходить в режим бодрствования раньше третьего или четвертого урока. Они приползали к обеду с помятыми лицами, искренне не понимая, почему весь мир вокруг уже куда-то бежит.

Абсолютным победителем в номинации «Самая веская причина прогула» стала одна моя девятиклассница. Она могла систематически опаздывать на первые два урока по одной железобетонной причине: девочка просто не приходила

в школу, пока полностью не накрасится. Переступить порог кабинета без идеальных стрелок и безупречного тона для неё было сродни выходу в открытый космос без скафандра — смертельно опасно для репутации. И никакие угрозы директора, завучей или двойки по физике не могли ускорить этот сакральный процесс утреннего макияжа. Социальный статус в коридоре на перемене был для неё куда важнее всей школьной программы.

Но если бьюти-блогеры и сони штурмовали утренние часы, то к седьмому уроку история повторялась с точностью до наоборот. Дети исчезали под предлогом «заболел живот», «автобус уехал раньше» или «срочно нужно к стоматологу или в поликлинику» (к концу года у меня складывалось ощущение, что мой класс зубами может конкурировать с акулами — так часто они лечили свои зубы).

Однако моим личным фаворитом как учителя биологии была другая девичья суперсила. У моих девочек в классе были вечные месячные. Согласно их жалобам и запискам, этот сугубо циклический биологический процесс происходил у них примерно каждые три дня, аккуратно по пятницам или на седьмых уроках, когда нужно было бежать кросс на физкультуре или сдавать лабораторную по анатомии. Спорить с этим аргументом было бесполезно — против природы и трагического выражения лица не попрешь. Я, едва сдерживая смех, подписывала им очередную увольнительную и в шутку грозила, что скоро начну вести их личный календарь менстру-

ального цикла, чтобы научно выводить юных симулянтов на чистую воду. Девчонки краснели, хихикали, но понимали: их биолога вокруг пальца просто так не обведешь.

Впрочем, они знали и другое: если форс-мажор случался по-настоящему, у Марии Александровны в заנачке в учительском столе всегда был дежурный запас прокладок на случай «если протекла». В этот момент все хитрости отступали — девчонки шли ко мне за помощью без страха и стыда, потому что знали: здесь их поймут, спасут от позора перед всем классом и никогда не осудят. И пока ты выдаешь средства гигиены одной, параллельно приходится включать режим Шерлока Холмса по отношению к другим: созваниваться, выяснять, сверять показания родителей и детей, пока мамы и папы на том конце провода судорожно пытаются вспомнить, в какой куртке их чадо вышло из дома и дошло ли оно вообще до крыльца.

Перед Новым годом мы по традиции украшали класс. Время катастрофически поджимало, дедлайны горели, и мне нужно было придумать максимально быстрый и бюджетный способ создать праздничную атмосферу. Я приняла стратегическое решение: распечатать красивые трафареты снежинок на лазерном принтере, раздать детям, чтобы каждый вырезал по две-три штуки, и вуаля — кабинет готов. План был идеален, но возникла чисто техническая проблема — в рамках класса внезапно закончилась белая бумага. Я спросила у ребят: «Кто готов оперативно сбежать в магазин за

углом?». Вызвались два добровольца — веселые, энергичные парни. Я выдала им четкое, как мне казалось, техническое задание (ЦУ): купить стандартную пачку бумаги А4 для принтера. Протянула тысячу рублей и строго-настрого наказала: «Мальчики, обязательно принесите чек и сдачу».

Мои «эффективные менеджеры» проявили чудеса скорости и примчались обратно уже через двадцать минут. Гордые, запыхавшиеся, они с победным видом грохнули на мой стол свой улов. Я посмотрела на стол. Потом на парней. Потом снова на стол. Там лежали четыре. Четыре одинаковых. АЛЬБОМА!!!

Для рисования.

Скрепленные посередине brutальными железными скобами степлера.

А с обложки каждого из них на меня преданными круглыми глазами смотрела умильная мордочка МОПСА!!

Финита ля комедия. Пипец. Я замерла, пытаясь осознать масштаб трагедии: «Ребята... Четыре альбома с мопсами? Как, по-вашему, я должна запихнуть эти скобы в школьный лазерный принтер? Он же умрет на первой секунде!».

Но парни не растерялись. Маркетинговое мышление и юношеский оптимизм работали на максимуме: «Мария Александровна, без паники! У нас же есть чек! Мы сейчас быстренько сбегает обратно, сдадим мопсов, заберем деньги и купим то, что нужно!». И они умчались. Проходит еще двадцать минут. Дверь кабинета открывается, на пороге по-

являются наши герои. С альбомами. «Мария Александровна... Мы это... Чек по дороге потеряли. Альбомы назад не берут».

Внутри меня в этот момент бушевал ядерный взрыв. Эмоции зашкаливали, хотелось рвать и метать, ведь время упущено, бумаги нет, а на столе лежит памятник подростковой невнимательности в виде четырех мопсов. Любой жесткий руководитель на моем месте устроил бы разнос с лишением премии. Но школа учит дипломатии высшего уровня.

Я сделала глубокий вдох, натянула самую милую, ангельскую улыбку, аккуратно забрала альбомы и абсолютно спокойно сказала: «Ладно, мальчики. Ничего страшного. Я забираю эти альбомы себе. Обещаю, что долгими зимними вечерами я буду рисовать в них портрет каждого ученика нашего класса, чтобы подарить вам на выпускной». Класс лег от хохота. Парни покраснели, но выдохнули с таким облегчением, словно только что избежали смертной казни. Кризис был ликвидирован без единого крика, а авторитет «понимающего классного» взлетел до небес.

Вообще, со временем мои дети развили в себе уникальный навык — они научились виртуозно читать по моим губам. На уроке или линейке, когда кричать было нельзя, статус педагога обязывал держать лицо, а внутренний предохранитель уже плавился, я пользовалась своей секретной «бесшумной артикуляцией». Пока завуч на педсовете или директор у доски вещали о высоком, я могла посмотреть на зад-

ную парту и одними губами, без единого звука, но с предельно четкой мимикой выдать: «Тебе капец», «Какого фига?» или что-то из золотого фонда коммерческого фольклора — «Блядь» и «Ёб твою мать...».

Самое смешное, что это работало круче любого крика на ультразвуке. Девчонки и парни мгновенно считывали этот беззвучный шифр, замирали, округляли глаза и тут же шепотом передавали по рядам: «Шухер, Мария Александровна включила беззвучный режим, нам реально хана».

А иногда я выходила на следующий уровень этого психологического театра: я вообще ничего не произносила, а просто беззвучно шевелила губами, имитируя случайный набор звуков, но при этом включала яростную, активную мимику и жестикуляцию руками глубоко возмущенного и ругающегося человека. Это был высший пилотаж. Дети испуганно-комично переспрашивали: «Мария Александровна, что-о?!», силясь разобрать слова, а потом до них доходило, они начинали хихикать, но тут же садились идеально ровно. Они всегда безошибочно понимали, что именно я имела в виду, даже когда я молчала.

Это была наша тайная система знаков — они понимали, что я живой человек, у которого тоже есть предел, и чертовски ценили эту честность. Здесь ты не просто учитель биологии. Ты — громоотвод, психолог, кризисный менеджер и юрист в одном лице. Тебе нужно мастерски лавировать между жесткими требованиями администрации, амбициями

и претензиями родителей и хрупкой, бунтующей психикой подростков. Один неверный шаг, одно неосторожное слово — и вспыхнет пожар.

Именно в этот период я начала оттачивать свою главную суперсилу: умение договариваться с кем угодно, сглаживать самые острые углы, гасить жесткие конфликты на взлете и переводить агрессию в конструктивный диалог. Школа ковала из меня первоклассного переговорщика, хотя сама я всё глубже увязала в этой круговерти, постепенно забывая, каково это — принадлежать самой себе. Внутри моего «панциря робота» всё громче кричал тот самый университетский бунтарь. Я начала ловить себя на мысли, что эта стабильность стала удушающей. Мне катастрофически не хватало масштаба, финансовых перспектив и, банально, уважения к моему личному времени. Мысль о том, что я проведу так следующие тридцать лет, сверяя списки проспавших и отбиваясь от ночных сообщений, вызывала у меня панический ужас.

Я отчетливо поняла: я хочу и готова сменить эту работу. Я переросла эти стены. Внутри моего «панциря робота» всё громче кричал тот самый университетский бунтарь. Я начала ловить себя на мысли, что эта стабильность стала удушающей. Мне катастрофически не хватало масштаба, финансовых перспектив и, банально, уважения к моему личному времени. Мысль о том, что я проведу так следующие тридцать лет, сверяя списки проспавших и отбиваясь от ночных сообщений, вызывала у меня панический ужас.

Я отчетливо поняла: я хочу и готова сменить эту работу. Я переросла эти стены. Тогда, в моменте, мне казалось, что школа — это «белое пятно» для коммерческого рынка труда, потерянное время. Как же сильно я ошибалась! Только годы спустя, попав в бизнес-среду, я осознала: классное руководство дало мне такие хард- и софт-скиллы, за которые топовые корпорации платят миллионы бизнес-тренерам. Школа заставила меня экстренно прокачать ключевые компетенции для коммерции:

- * Кризис-менеджмент и работа в условиях жесткой неопределенности. Если вы можете за пять минут до урока разругать конфликт между плачущей мамой, разъяренным завучем и подростком в глубоком бунте — управление факапами в коммерческом проекте покажется вам легкой прогулкой.

- * Управление многотысячными потоками коммуникаций (CRM в реальной жизни). Удерживать в голове KPI тридцати сотрудников (детей), ожидания шестидесяти инвесторов (родителей) и требования регулятора (администрации) — это высший пилотаж тайм-менеджмента и администрирования.

- * Искусство жестких переговоров (Sales & Retention). Продать девятиклассникам идею прийти в субботу на экологический субботник вместо сна — это навык продаж уровня «Волк с Уолл-стрит». Отработка возражений у разгневанных клиентов (родителей) научила меня сохранять холодный

рассудок при любых «наездах» в бизнесе.

* Управление вниманием и невербальное лидерство (Internal Communications). Мой фирменный «беззвучный режим» и умение ругаться одними губами научили меня главному — управлять фокусом внимания аудитории без повышения тона. Если вы можете заставить тридцать бунтующих подростков замереть и идеально считать ваш месседж по одной лишь мимике, то удержать внимание топ-менеджеров на презентации или выстроить внутренние коммуникации в команде для вас не составит труда.

* Работа с «холодной» и невнимательной аудиторией (Customer Support & Onboarding). Бесконечные родительские чаты, где после трех подробных инструкций люди всё равно задают одни и те же вопросы, развили во мне железобетонный дзен. Я научилась упаковывать информацию так, чтобы её понял даже самый ленивый или занятой «клиент», и отрабатывать глупые вопросы без тени агрессии.

* Эмпатия как инструмент удержания команды. Моя записка с прокладками в столе или умение вовремя выслушать подростка научили меня главному HR-навыку — созданию безопасной среды (psychological safety). В бизнесе люди уходят не из компаний, они уходят от равнодушных руководителей. Я же научилась завоевывать глубинное доверие команды.

Система ковала из меня сильного лидера для крупного бизнеса, пока я сама думала, что просто пытаюсь дожить

до конца четверти. Капкан предсказуемой стабильности всё ещё держал меня, но вектор на побег уже был задан. Я начала внимательно смотреть в сторону коммерции, понимая: мои навыки стоят гораздо дороже, чем ставка учителя биологии.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.